

Линь Хань не очень-то любил доставлять хлопоты другим и принялся настойчиво отказываться:

— Нет-нет, это будет слишком обременительно для дядюшки Циня, пожалуй, я лучше куплю готовую одежду.

Его отказ тут же вызвал у Цинь Циня показное возмущение, и тон его стал строже:

— Обременительно? Какое еще обременительно! Думаешь, серебро так легко достается? Тебе еще повезло в этот раз, можно сказать, шесть лямов серебра просто так свалились с неба. Попробуй-ка заработать еще шесть лямов в другой раз — это же ужас как трудно! У тебя в деревне ни полей, ни скотины, а серебро — оно такое: стоит потратить, и нет его. Разве тебе не нужно приберечь кое-что на черный день?

Цинь Цинь вздохнул:

— И впрямь, не ведешь хозяйство — не знаешь, почём фунт лиха. Ладно, решено. Купишь ткань, а дядюшка поможет тебе всё сшить, потом придешь и заберешь. Еще хоть слово скажешь о том, что это в тягость, — дядюшка и вправду рассердится.

Раз уж человек сказал такое, да к тому же старший по возрасту, Линь Хань больше не смел отказываться и был вынужден согласиться.

Подумалось Линь Ханю: «Ладно, в конце концов, буду всякий раз угощать семью старосты чем-нибудь вкусненьким, да и Юань-гэ позову, если подвернется какое-то прибыльное дело».

— Хорошо, тогда большое спасибо, — сказал Линь Хань. — Я уже довольно долго пробыл вне дома, так что пойду.

— Ладно, если в будущем понадобится какая-то помощь, приходи к своему дядюшке Яну, — ответил Цинь Цинь. — Насчет другого не скажу, но с любыми мелкими деревенскими делами он как староста вполне справится.

— Хорошо, тогда я пойду домой, дядюшка Цинь, еще увидимся.

Сказав это, Линь Хань с оставшимся от продажи мясом в руках в одиночку пустился в обратный путь.

Глядя вслед уходящему Линь Ханю, Цинь Цинь пробормотал про себя: «Золотой чешуйчатый — вовсе не прудовая рыба, стоит грянуть ветру и буре — превратится в дракона».

Стояла весна, деревня пестрела повсюду сочной зеленой травой, и тут и там распускались разноцветные дикие цветы.

Своим названием Цветочная деревня была обязана тому, что вокруг росло множество

абрикосовых деревьев.

Как раз наступила пора цветения абрикоса. Под воздействием температуры лепестки окрасились в красный, розовый или бледно-розовый цвета, с красивыми белыми переливами на красном фоне.

Стоило бросить взгляд вдаль, и вся деревня казалась утопающей в абрикосовом саду — зрелище неопишуемой красоты.

Очутившись среди этой красоты, чувствуешь, как душа отдыхает, а тело наполняется легкостью.

Будучи большим любителем вкусной еды, в тот самый миг, когда Линь Хань увидел столько абрикосовых цветов, в его голове уже промелькнули мысли о выпечке с добавлением цветов абрикоса.

Вдали тянулась цепь зеленых гор, синело небо, плыли белые облака, и то и дело раздавалось птичье пение — всё это удивительно гармонично и естественно дополняло друг друга.

Эта страна звалась Великой Цянь, императорской фамилией было Хуанфу. Линь Хань тщательно перебрал в памяти все свои знания по истории.

И пришел к совершенно твердому и однозначному выводу: он переродился в вымышленной династии.

Хотя одежда окружающих ничем не отличалась от нарядов простого народа в исторических описаниях древности, эта династия никогда прежде не встречалась в тщательно изученных им книгах.

Тогда, на горе, Линь Хань успел лишь воспринять память прежнего владельца тела, но еще не успел толком во всем разобраться.

Теперь же, спокойно разложив всё по полочкам, он понял, что этот мир сильно отличается от привычных исторических эпох.

Здесь существовало три пола: мужчины, женщины и цзюэры. Жена старосты как раз была цзюэром, хотя внешне почти не отличалась от обычных мужчин.

Внешне цзюэры мало чем отличались от мужчин, за исключением красной родинки между бровей, которую также называли родимым пятном плодородия — она указывала на способность к деторождению.

Чем ярче был цвет родинки, тем выше считалась способность иметь потомство; и наоборот, чем бледнее — тем слабее.

Они могли как жениться на женщинах, так и выходить замуж за мужчин, но поскольку потомством они не блистали и не обладали женской хрупкостью, их статус был несколько ниже, и желающих взять их в жены или мужа находилось немного.

Лицами и телосложением цзюэры больше походили на мужчин, хотя большинство отличалось хрупким телосложением и уступало мужчинам в росте и силе.

Поскольку у большинства цзюэров рождалось мало детей, богатые семьи обычно не брали их в законные жены.

Линь Хань не мог не предаться размышлениям: будь такие люди в современном мире, пожалуй, многим однополым парам не пришлось бы терпеть разлуку из-за недовольства родных.

Также Линь Хань выяснил еще одну важную вещь: хотя в этом мире по-прежнему сохранялось деление на ученых, земледельцев, ремесленников и торговцев, из-за развитой товарной экономики положение купцов уже не казалось таким низким.

Двор даже издал указ, позволявший детям торговцев сдавать императорские экзамены.

Линь Хань заметил, что при всей развитости товарной экономики и разнообразии зерновых культур кондитерское дело здесь застряло на уровне простейших паровых булочек и маньтоу.

Даже такие простые в приготовлении сладости, как машкие, бобовые пирожные или османтусовые коврижки, почитались за дворцовые деликатесы.

Глаза Линь Ханя вспыхнули, в голове мелькнула яркая искра: разве это не готовая бизнес-жилка?

Кондитерское дело в этом мире совершенно не развито, так что стоит ему заняться выпечкой, успех будет оглушительным, а заработок... можно сказать, проще простого!

Впрочем, прежде чем приступить к этому, ему предстояло отправиться в горы на охоту, чтобы сколотить стартовый капитал.

В конце концов, для приготовления выпечки, хлеба и тортов требовались инструменты, а значит, сначала нужно было заработать денег, заказать утварь и лишь потом переходить к следующему шагу.

Определившись со своими планами на будущее, Линь Хань почувствовал, как его переполняет

радость, и шаги по дороге домой стали гораздо легче.

Примерно через десять минут Линь Хань по воспоминаниям прежнего хозяина нашел свое жилище.

То, что предстало перед его глазами, заставило веки Линь Ханя задержаться, а мозг — зависнуть. Хотя из памяти прежнего владельца он знал, что дом ужасно ветхий, одно дело — чужие воспоминания, и совсем другое — увидеть все своими глазами. Если попытаться это описать, ощущения были похожи на просмотр телесериала.

Воспоминания казались версией в стандартном разрешении, тогда как суровая реальность предстала в ультравысоком качестве.

Придя в себя, Линь Хань мысленно выругался:

— Неудивительно, что прежний хозяин не хотел жить. К роскоши привыкнуть легко, а вот отвыкать тяжело. Родители умерли, все родственники тоже, вволю не наешься, порой и вовсе сидишь без еды, полей нет, работать не умеет... Голодая целыми днями, лежа по ночам в такой развалине, начнешь думать, что жизнь кончена.

Дом был слишком небезопасным. Нет, завтра же он отправится в горы на охоту, чтобы побыстрее накопить денег и построить новый дом.

Иначе спать спокойно не получится — не ровен час, среди ночи крыша рухнет и лишит его этой с таким трудом добытой второй жизни, а это было бы совсем некстати.

Линь Хань стоял у входа и не заходил внутрь, как вдруг тетя Чжан, собиравшаяся сходить на огород за овощами, заметила его у порога и из вежливости поинтересовалась:

— Линь Хань, чего ты там стоишь? Почему в дом не идешь?

Услышав голос, Линь Хань повернул голову в ту сторону и увидел тетю Чжан.

Он ответил:

— Тетя, я просто так. Вы куда-то собрались?

— Дома овощи почти кончились, иду на тот участок у деревни, наберу немного, — откликнулась тетя Чжан. — Поздравляю! Я тут слышала, ты подстрелил дикого кабана и выручил целых шесть лямов серебра. Теперь-то хорошо, с такими деньгами голодать больше не придется. А мне идти надо, я побежала.